

DOI: 10.22363/2312_9182_2017_21_1_7_21

DISCOURSE ANALYSIS IN THE 21ST CENTURY: THEORY AND PRACTICE (II)

Douglas M. Ponton¹, Tatiana V. Larina²

¹University of Catania
1 Viva Cava Gucciardo Pirato, 97015 Catania, Italy

²RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В 21 ВЕКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (II)

Дуглас Марк Понтон¹, Т.В. Ларина²

¹Университет Катании
1 Viva Cava Gucciardo Pirato 97015 Италия

²Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

1. INTRODUCTION

This issue of *Russian Journal of Linguistics* continues the focus on Discourse Analysis which we began with the first special issue devoted to the topic (2016, 4). The aim of our publication is to stimulate discussion and the exchange of ideas on these rich subjects, in order to benefit the international community of discourse analysts. In the first volume, we presented some theoretical perspectives on Discourse Analysis, including recent research in discourse pragmatics, stylistics and speech genres, with work illustrative of current trends in both Russian and Western discourse analytical traditions. They have, once again, demonstrated that there is, as yet, no universal theory of discourse. However, the incremental growth of interest in research on discourse is an irreversible process, because, as A. Kibrik rightly pointed out, discourse is “the only real linguistic object of language”. One cannot disagree with the reasoning of the scientist: “People talk to each other in discourses, rather than sentences, much less morphemes or phonemes ... Therefore, the natural evolution of linguistics as a science should start with discourse studies, and only on this basis should it explore the smaller units, obtained as the results of analytical procedures” (Kibrik 2009).

In this second issue, we present chapters in both languages, on a variety of topics of interest, some of which have a more theoretical focus, while others could be thought of more in terms of the application of DA methodologies to data from a variety of social

contexts, and of the role of language units of different levels in the construction of a particular type of discourse.

The first part of the issue presents research in discourse semantics and pragmatics; we then have chapters on discursive practices and on political discourse.

2. DISCOURSE SEMANTICS AND PRAGMATICS

Problems in discourse semantics and pragmatics are the focus of many scientists who work in Russia and worldwide (Baranov, Plungian, Rakhilina 1993, Ponomarenko 2004, Sinelnikova 2013, Chernjavskaja 2012; Alba-Juez and Mackenzie 2016, Kecskes 2014, Leech 2014, Wierzbicka 1991/2003 and many others), who deal with issues of nomination and the functioning of different language units, reflecting the processes involved in speaker-hearer interaction.

The volume starts with the article by J.R. Martin, one of the best-known scholars working in Systemic Functional Linguistics, the functional approach to language developed by M.A.K. Halliday that has been influential in many fields of language research, including Critical Discourse Analysis. Among his many significant contributions to linguistic theory (Martin 2007, 2013; Martin and Rose 2003, 2008 etc.) is the Appraisal Framework (Martin and White 2005), a taxonomy of semantic and interpersonal resources that has proved invaluable in many types of Discourse Analysis. His chapter deals with new avenues in Appraisal theory. In SFL, and in Appraisal, meaning is seen in terms of a network of options open to the speaker/writer, with a marked focus on the interpersonal dimension. Meaning is formalized in terms of networks of options, and especially realised in interactive contexts — thus words do not 'have' meaning; rather, they 'do' it. At the heart of this chapter then, is what Martin terms a 'relational perspective on meaning'.

Martin explores a lot of the background to the creation of the Appraisal Framework, in pages that will interest a wider audience than users of the framework alone. His chapter explains the processes of synthesis involved in arriving at 'core' elements of his semantic taxonomy, using the multiple entries for each item in Roget's Thesaurus. For the Systemic Functional linguist, he says, the 'dream' relates to the notion of lexis as 'delicate grammar'. However, when we seek to apply these systems beyond the semantic feature of the individual word, to larger bodies of text, we start to move beyond 'the grammarian's dream, to the discourse analyst's nightmare!' One of the problems relates to the availability of large enough corpora, able to provide data to confirm or refute the analyst's intuitions about the semantic feature s/he is interested in. In this context, he discusses work by Bednarek (2008). Martin proposes a typological/topological distinction, and illustrates how a topological approach to the lexical study of individual semantic areas may represent a fruitful pathway for this research.

Another significant focus for discursive and semantic research is metaphor. Metaphor is an important means of categorization of reality, and one of the significant discursive units which has been studied by many scientists, in various aspects and types of discourse (Arutyunova 1990, Budaev and Chudinov 2006, Chudinov 2001, Lakoff and Johnsen 2003, Musolff 2016 and many others). **Andrew Goatly** analyzes it alongside certain grammatical resources, in an ecological context. Goatly argues in his

paper *Metaphor and grammar in the poetic representation of nature*, that, because of the seriousness of the threat to the climate, Critical Discourse Studies with an ecological focus should take precedence over all other kinds of critical discourse work. In terms of grammar, he uses Systemic Functional Linguistic analysis of many examples, from a variety of cultural contexts, to support his view that our language tends to reflect a Newtonian worldview rather than one based on current ecological principles. Metaphors tend to reflect an anthropocentric vision, though this is increasingly challenged by current environmental science. These ideas are explored in a comparative analysis, of an ecological scientific text, ‘the state of the world’, produced by the Worldwatch Institute, and some nature poetry by various authors, including Edward Thomas, William Wordsworth and Alice Oswald. While Nature in the first text is seen generally as a passive resource, acted upon by human agents, in the latter group of texts it assumes an active role, with its own voice. This is reflected both in the grammatical forms and in the metaphors used to represent it. Goatly argues that poetry and science share elements of a vision, of intrinsic union between the human and natural worlds, which we would do well to heed in the current precarious climate.

The analysis of metapragmatic components of Judicial discourse is represented by **Tatyana Dubrovskaya’s** chapter, *the Metapragmatics of administering justice in Russian and English judicial discourse*, which compares courtroom discourse in England and Russia, demonstrating that judicial meta-utterances have parallel functions in Russian and English, though minor differences are discovered, for which cultural differences are responsible.

The paper proposes a three-fold classification of metapragmatic courtroom speech, beginning with speech whose purpose is to ‘regulate’ the courtroom context — here, the judge explains procedures, regulates turn-taking, introduces new elements, and so on. The second is ‘constructing the reality of the crime’, in which judges also figure prominently. The third is ‘framing the law’, i.e. specifying details of law as this becomes necessary; again, this is usually the task of the judge. All three categories show differences between Russian and English patterns in realising these metapragmatic functions. English judges frequently use mitigation strategies and forms of indirectness in relating to witnesses, while Russians tend to be more direct, for example using the imperative form. This is explained in terms of differing norms of politeness between the two nations. The chapter thus accounts for the role of metapragmatic discourse in the judicial context, showing how it is used both to sustain the court as a social institution and how it contributes to the judge’s own identity construction as a figure of power.

Ekaterina Khronopulo’s chapter, *Discourse motivations of mental construal and the expression of stance in speech: a case study of English*, deals with the topic of speaker stance and the subjective/objective dimension. Speakers can either express their degree of certainty through a subjective formula (“I am sure that”) or by an impersonal one (“It is certain that”). What she calls the ‘S-subject’ (for ‘Setting’) is the more objectifying resource, while the ‘P-subject’ (for ‘participant’) is typically realised by the use of a pronoun. The author draws on both Russian and Western sources (Leontiev, Kubryakova, Berman, Langacker etc.) to ground her work in current research, and presents an analysis of a corpus of about 350 examples taken from English-language fiction. What emerges is the claim that the choice between subjective and objective representation

patterns depends on cognitive factors, including the distinction between event schemas and mental experiences. The chapter is a thorough exploration of the nuances in literary expressiveness that can be achieved by the use of these resources, as well as their representing a strategic resource for authors in characterisation and plot development.

3. DISCURSIVE PRACTICES

The second section of the issue is devoted to some discursive practices in different types of discourse.

Lucia Abbamonte and **Flavia Cavaliere** present a chapter entitled: *Shopping as 'best practice' — analyzing Walmart's debated sustainability policies*. Like Goatly's paper, it has an ecological focus, underlining the current importance of this research trend within linguistics. The American retail giant, Walmart, advances claims to 'sustainability' in a number of promotional videos highlighting the company's positive attitudes to fundamental issues like Energy, Waste, Products and Responsible Sourcing. The chapter uses an integrated Critical Discourse Analysis approach exploring nuances in this marketing and branding strategy. The authors' conclusion is that the Walmart videos use multimodal resources to craft a range of attractive images associating them with green values and social issues like poverty. The gist of these videos is that shopping itself becomes an ecological activity; as long, naturally, as one shops at Walmart. The authors do not directly suggest that Walmart is being duplicitous; indeed, they highlight positive aspects of the company's business practise. However, they do indicate that it is vital in such cases to measure promotional rhetoric against actual social practices.

Larissa Galchuk studies the problem of verbalization of socially important concepts in modern business English. In her article with an evaluative title, *The twenty percent solution: the concept of social capital through the new words in English business discourse at the turn of the 21st century*, she examines the neologisms in this context through extra- and intralinguistic motivators of their emergence in the language. Having analysed the formal and semantic structure of these lexical units, and their functions in business discourse, the author argues that the majority of them possess metaphorical potential, while their intensive use in modern business communication results in a violation of its traditional norms. Thus, English business discourse tends to experience the loss of its conventionality in favour of the increased efficiency of every single communicative act. The author concludes that the role of emotional, rhetorical, phatic and representational language functions tends to increase in business communication where traditionally, the field has been dominated by the cognitive language function with its focus on reality conceptualization, specifically through coining new words to fill the language gap.

The idea of violation of conventional norms, leading to blurring of styles and genres, finds its continuation in the article by **Svetlana Ivanova** entitled *Commencement speech as a hybrid polydiscursive practice*, where she examines the phenomenon of polydiscursiveness. She defines the specificity of the realization of polydiscursive practices as a feature of modern communication within commencement speech (commencement address / graduation speech), which, in compliance with modern trends, is delivered by out-

standing media personalities (politicians, athletes, actors, etc.). The findings of the study show that institutional character is not the only feature of a commencement speech. Besides institutional discourse, commencement speech represents didactic discourse, personal discourse, memoir discourse, and is closely related to ironic discourse. The results of the study, which is illustrated by a lot of significant examples, enable the author to conclude that the harmonious combination of polydiscursive practices contributes to commencement speech hybridization, which in turn increases the degree of persuasiveness in commencement speeches.

4. POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS

In this issue, we also continue the focus on **Political Discourse Analysis** that constituted a whole section of our first number, thanks to the unabated interest it has generated amongst our contributors. In a fascinating window on modern Iran, **Azizullah Mirzaei**, **Zohreh R. Eslami** and **Fatemeh Safari** present a chapter entitled *Exploring rhetorical-discursive practices of Rouhani's presidential campaign and victory of his prudence-and-hope key: a discourse of persuasion*. Their approach is broadly critical, drawing on Fairclough (2010), and focuses on three dimensions of his discourse: phonological, lexical and syntactical. They explore his use of tropes, and find that, like many western politicians, his discourse is rich in three-part lists, parallelism, alliteration and metaphor, all of which have a persuasive intention. The authors' research project involved the recording and transcription of many hours of television and radio debates, in the weeks leading up to the 2013 election. Among the most telling instances of persuasive rhetoric, they identify his use of cultural allusion, to a well-known Iranian poem, by Akhavan-e-Sales, that a 'Spring' is waiting, behind the long winter of Ahmadinejad's government. Their study thus crosses cultural borders, and shows that the same techniques of discursive persuasion are practised in Iran that we find in Washington or Westminster today.

The political theme continues with **El-Zawawy, Amr M.**, whose chapter is called *Towards a new linguistic model for detecting political lies*. The author addresses the delicate question of politicians and truth-telling, referring to an interesting website, 'Politifact', which collects statements that are graded according to their degree of truthfulness, with the last dimension, 'ridiculously untrue' classified as 'pants on fire'. The focus is the discourse of the two opposing US presidential candidates, Donald Trump and Hillary Clinton, who were both repeatedly accused of uttering falsehoods. Use of the Politifact site enables the author to avoid a potentially difficult methodological issue; namely, on what basis to classify political statements as 'lies', given that neither speaker would admit to something like an 'intent to deceive the hearer', which might be one of Searle's 'felicity conditions' for this particular speech act. An attempt is made, using the Praat spectrogram, to connect voice patterns with the act of telling a political lie, using data from both Trump and Clinton. The author proposes a 'New Model' for classifying lies in political discourse, which is a modified version of the model that appeared in Burgoon et al. (2012).

For the analysis of Media Discourse, **Vladimir Ozyumenko** has written a chapter, *Media discourse in an atmosphere of information warfare: from manipulation to aggres-*

sion, which highlights changes in modern media functions. Defining distinctions between persuasion, manipulation and aggression, the author argues that, in the atmosphere of information warfare, the function of information aggression is gaining momentum, and can be viewed within the framework of manipulative discourse, as manipulative persuasion. The author considers media aggression as a binary process, related both to the referent (affective aggression) and to the audience (cognitive aggression). The study, conducted through critical discourse analysis (Fairclough 2001, Van Dijk 2006, 2009; Wodak 2007; Weiss, Wodak 2007) and the multimodal approach (Ivanova 2010, Ponton 2016), reveals various strategies and means of linguistic manipulation and media aggression. It also shows that the main aim of linguistic manipulation, accentuated by verbal and non-verbal aggression, is to deliberately mislead the audience imposing on it the desired idea of ideological subordination.

5. CONCLUSION

Discourse analysis is a relatively new scientific paradigm for the study of language, and all of its components at a level higher than that of the individual sentence — the level of discourse. To attempt to define it in a few words would be an impossible task. An uninitiated reader of our two issues might well find themselves in the same position as the blind men in Saxe's famous poem about the elephant. The answer to the question: *What is Discourse Analysis?* depends entirely on what part of it one approaches for the first time; what specific tool one picks up and attempts to use on discourse.

As the papers collected in these two volumes amply demonstrate, Discourse Analysis is a rich and diverse field of research, capable of uncovering important insights, across a broad range of academic disciplines. Within its bounds, it encompasses many heterogeneous approaches to discourse, many analytical tools and methodologies. It comprises many schools of thought that have evolved over time, some of which have disappeared but left crucial traces for their successors to inherit and incorporate in their own approaches. Increasingly, as has been pointed out above, Discourse Analysis is a multidisciplinary scientific field; it is not confined to Linguistics but has been adopted by other disciplines, mainly within the Humanities, and adapted to suit their own purposes.

Our theoretical articles reviewed the current state of the art, explained the relation of Discourse Analysis to other research traditions, both Russian and international and traced pathways for future research in Pragmatics, Semantics, Stylistics and Genre Theory, among other fields. On the theoretical side, the challenge is to develop notions able to account for the various components of a communicative situation which contribute to the formation of meaning, in the broadest possible sense of this general term, and to create a comprehensive classification of discourse types.

Discourse analysis is in constant evolution, and continues to expand in the range and scope of its research activities. On the applied front, the various theoretical perspectives and analytical methodologies are used on actual text, to reach a range of conclusions, which may be, as we have seen, broadly explicative/descriptive or critical in kind. We have seen it applied to texts from fields as diverse as Media and Business Studies, Law, Ecology and Politics, in studies which shed light on many different topics.

Commencing our joint project, we did not expect to get comprehensive answers to all the questions raised. Nevertheless, we believe that readers of these two issues on

Discourse Analysis will be able to find grist for their own analytical mills, and we sincerely hope that the process of dialogue and interchange between analysts working in Russia and worldwide, which these volumes symbolise, will continue to bear fruit in future. Many sincere thanks to our authors, who have contributed so much, from the wealth of their own knowledge and research experience within Discourse Analysis.

RU

1. ВВЕДЕНИЕ

Этот номер нашего журнала является продолжением тематического выпуска (2016, 4), посвященного дискурс-анализу. Выбирая данную тему, мы хотели вызвать дискуссию по широкой исследовательской области, которой является дискурс, и стимулировать обмен идеями по ряду актуальных и неоднозначных вопросов, что может быть полезно для международного сообщества дискурсологов.

В первом номере были представлены некоторые теоретические подходы к анализу дискурса известных зарубежных и российских ученых, касающиеся в том числе его связи с рядом пограничных областей — прагматикой, стилистикой и жанроведением. Они в очередной раз показали, что никакой универсальной теории дискурса пока не существует. Однако перенос интереса исследователей на дискурс — это необратимый процесс, поскольку, как справедливо отмечает А.А. Кибрик, дискурс — это «единственный заведомо реальный лингвистический объект языка». Нельзя не согласиться с аргументацией ученого: «Люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами... Поэтому естественное построение лингвистики как науки и следовало бы начинать с исследования дискурса, а лишь с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы, полученные в результате аналитических процедур» (Кибрик 2009).

Во втором номере, который также является двуязычным, мы предлагаем вашему вниманию статьи по целому ряду вопросов, как теоретической, так и практической направленности, показывающих возможность применения теории дискурса к анализу языка в различных социальных контекстах и роли разноуровневых языковых единиц в построении того или иного типа дискурса.

Первый раздел номера содержит статьи, касающиеся, главным образом, семантических и прагматических аспектов дискурса, второй — дискурсивных практик в различных контекстах, третий посвящен политическому дискурсу.

2. ДИСКУРСИВНАЯ СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Проблемы дискурсивной семантики и прагматики находятся в центре внимания многих российских и зарубежных лингвистов (Баранов, Плунгян, Рахилина 1993, Кечкеш 2014, Пономаренко 2004, Синельникова 2013, Чернявская 2012; Alba-Juez, Mackenzie 2016, Kecskes 2014, Leech 2014, Wierzbicka 1991/2003 и др.),

которые рассматривают вопросы номинации и функционирования различных языковых единиц, отражающих процесс взаимодействия говорящего и слушающего.

Открывает наш номер профессор **Джеймс Мартин** — один из самых известных ученых, работающих в области системно-функциональной лингвистики, основанной на разработанном М.А.К. Халлидеем функциональном подходе к языку. Данный подход оказал существенное влияние на многие области лингвистических исследований, в том числе на критический дискурс-анализ. Среди наиболее значимых научных разработок Дж. Мартина — теория оценки (*Appraisal Theory*), которая доказала свою значимость при анализе различных типов дискурса, а также работы по функционально-семантической грамматике, дискурсу, жанрам и многие другие (Martin 2007, 2013; Martin and White 2005, Martin and Rose 2003, 2008 и др.).

Статья, публикуемая в нашем журнале — *The discourse semantics of attitudinal relations: continuing the study of lexis (Дискурсивная семантика передачи эмоционального отношения: перспективы исследования лексики)*, посвящена новым направлениям в теории оценки. В ее основе лежит реляционный подход к значению. Значение рассматривается как пучок вариантов, предлагаемых производителю речи (устной или письменной). Оно формируется и реализуется в интерактивных контекстах на основе межличностного фактора. Таким образом, слова не «имеют» значение, они, скорее, «создают» его. В данной статье на основе детального анализа Тезауруса Роже Дж. Мартин объясняет процесс синтеза основных элементов семантической таксономии. Слово, которое кажется простым и понятным в словаре, оказавшись на просторах текста, может выйти за свои семантические рамки и предстать перед исследователем дискурса в противоположном значении. Так, например, «сон» (*dream*) может превратиться в «кошмар» (*nightmare*). Одна из проблем дискурсивной семантики связана с отсутствием достаточного корпуса данных для того, чтобы подтвердить или опровергнуть предположение исследователя об интересующей его семантической особенности того или иного слова. В этом контексте обсуждается работа М. Беднарек (Bednarek 2008), которая, используя корпусные данные, поставила под сомнение некоторые наблюдения, изложенные в канонической работе Дж. Мартина и П. Уайта (Martin, White 2005). В статье предлагается различать типологический и топологический подходы к лексическим исследованиям и отмечается, что топологический подход к анализу отдельных семантических областей может оказаться весьма плодотворным.

Другой серьезной проблемой дискурсивно-семантических исследований является метафора. Метафора как важное средство категоризации реальности и одна из значимых дискурсивных единиц являлась объектом рассмотрения многих ученых и изучалась в различных аспектах и типах дискурса (Арутюнова 1990; Будаев, Чудинов 2006, Чудинов 2001, Лакофф 2004, Musolf 2016 и многие другие). **Эндрю Гоутли** анализирует ее наряду с некоторыми грамматическими средствами языка в экологическом аспекте. В статье *Metaphor and grammar in the poetic representation of nature (Метафора и грамматика в поэтическом изображении природы)* он утверждает, что из-за серьезных климатических проблем экологическая направленность исследований в области критического дискурс-анализа должна стать

одной из приоритетных. Рассмотрев с применением системно-функционального анализа большое количество различных текстов, он выдвигает идею о том, что современный язык отражает ньютоновскую картину мира, а не основывается на актуальных экологических принципах. Метафоры, как правило, отражают антропоцентрическое видение мира, что идет в разрез с экологической наукой. Эта идея подтверждается результатами сопоставительного анализа экологического научного текста о состоянии мира с поэтическими текстами о природе ряда авторов — Эдварда Томаса, Уильяма Вордсворта и Элис Освальд. В то время как в научном тексте природа выступает в основном как пассивный ресурс, подвергающийся воздействию человека, в поэтических текстах она играет активную роль и имеет собственный голос, что находит свое отражение как в грамматических формах, так и в метафорах, используемых для ее описания. Автор утверждает, что поэзия и наука имеют ряд общих элементов мировидения, свидетельствующих о внутреннем союзе человека и природы, что стоит учитывать в ситуации опасных климатических изменений.

Метапрагматическим элементам судейского дискурса посвятила свою статью **Т.В. Дубровская**. Она сопоставляет дискурсивные практики, характерные для английского и русского судебного дискурса, выявляя как их сходства, так и различия, обусловленные культурными особенностями. В статье предлагается классификация метапрагматических элементов в судебном дискурсе в соответствии с тремя типами реальности, выделяемыми Дж. Гиббонсом (Gibbons 2003). Первая группа метапрагматических элементов, цель которых — регулировать ход заседания, способствует созданию первичной реальности, т.е. реальности судебного заседания. Вторая группа помогает формировать вторичную реальность, т.е. реальность преступления или правонарушения. Третья группа конструирует реальность права. Во всех трех группах метапрагматические элементы проявляют функциональные различия. Так, например, английские судьи часто используют стратегии смягчения в отношении свидетелей, в то время как русские более прямолинейны и часто используют императив, что объясняется разным пониманием вежливости. В статье отмечается роль метапрагматических элементов в судебном контексте, показывается, как они используются для поддержания статуса суда как социального института и способствует формированию идентичности судьи как представителя власти.

Е.Ю. Хрисонопуло, которая изложила результаты своего анализа в статье *Discourse motivations of mental construal and the expression of stance in speech: a case study of English* (Дискурсивные факторы ментальной дифференциации и выражение пропозициональной установки в речи (на материале английского языка)), рассматривает выражение субъективного и объективного отношения говорящего к реальности, которое может передаваться конструкциями с подлежащими, ассоциируемыми с двумя концептуальными архетипами: «партиципантом» (П), на который указывает местоимение I лица (*I am certain that*), и «абстрактным сеттингом» (С), выражаемым вводным местоимением it (*It is certain that*). В статье представлены результаты исследования, в ходе которого, с опорой на российские и западные теоретические источники (А.А. Леонтьев, Е.С. Кубрякова, R. Berman,

R. Langacker и др.), был проанализирован нарративный и диалогический дискурс в текстах англоязычной художественной литературы. Автор приходит к выводу о том, что выбор между субъектными и объектными моделями зависит от ряда когнитивных факторов, включая различия между событийным планом и ментальным. В статье тщательно анализируются различные экспрессивные оттенки, которые могут быть переданы при помощи данных моделей, представляющих собой важный ресурс автора для описания и развития сюжета.

3. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Второй раздел журнала посвящен рассмотрению некоторых дискурсивных практик в различных типах дискурса. **Лючия Аббамонте** и **Флавия Кавальери** представили статью под названием *Shopping as 'best practice' — analyzing Walmart's debated sustainability policies* («Передовой опыт» Уолмарта: анализ неоднозначной экополитики). Как и в статье Гоутли, здесь снова поднимается вопрос об экологической ответственности, что свидетельствует об актуальности данной проблемы в том числе и для лингвистических исследований. В ней речь идет об американском гиганте розничной торговли Уолмарт (Walmart), который выдвигает идею экологической ответственности в ряде рекламных видеороликов, освещающих позитивное отношение компании к таким фундаментальным проблемам, как энергетика, отходы и др. В статье используется комплексный критический дискурс-анализ, с помощью которого изучаются нюансы стратегий маркетинга и брендинга. Вывод авторов состоит в том, что в видеороликах использовались мультимодальные средства для создания ряда привлекательных образов, ассоциирующихся с охраной природы и социальными проблемами, такими как бедность. Суть этих видеороликов сводится к тому, что, делая покупки, вы заботитесь о природе, если вы выбираете магазин Уолмарт. Авторы прямо не говорят о двойственном характере деятельности Уолмарта. Напротив, они подчеркивают ее позитивные стороны, указывая, в то же время, что оценивать рекламную риторику необходимо на фоне реальных социальных практик.

Л.М. Гальчук рассматривает проблему вербализации социально значимых концептов в современном английском языке в сфере деловой коммуникации. В статье с интригующим названием «*„Двадцатипроцентное решение“: концепция социального капитала сквозь призму неономинаций в английском деловом дискурсе конца XX — начала XXI вв.*» автор анализирует неономинации с точки зрения экстра- и интралингвистических причин их появления в лексическом составе языка. В ходе анализа особенностей формальной и семантической структур рассматриваемых лексем, их функциональной роли в контексте делового общения автор приходит к выводу о том, что реализация прагматического потенциала таких лексических инноваций в английском деловом дискурсе ведет к нарушению конвенциональных норм в интересах повышения эффективности конкретного коммуникативного акта. Данный вывод позволяет, по мнению автора, говорить о тенденции к росту значимости эмотивной, риторической, репрезентационной и фатической функций языка в сфере делового общения, где доминирующей традиционно была когнитив-

ная функция, ориентированная на концептуализацию действительности, в том числе путем заполнения лексико-семантических лакун.

Идея нарушения конвенциональных норм, приводящая к размытости стилей и жанров, находит свое продолжение в статье **С.В. Ивановой** «*Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика*», где рассматривается такое интересное явление современной коммуникации, как полидискурсивность. Для своего анализа она выбрала жанр актовой речи — напутственной речи для выпускников, прежде всего американских университетов, с которой, в соответствии с современной тенденцией, выступают видные медиаперсоны: политики, спортсмены, актеры и др. На большом эмпирическом материале автор наглядно показывает, что рассматриваемый жанр относится к институциональному дискурсу, представляя собой ритуальный жанр публичной речи, и дидактическому дискурсу, поскольку суть актовой речи состоит в том, чтобы дать выпускникам напутствия и ориентиры в жизни. Тем не менее в него активно интегрируются речевые практики из других дискурсов: бытийного, мемуарного и иронического. В результате образуется гибридный дискурс, характеризующийся высокой степенью конвергенции и обладающий повышенной степенью воздействия на адресата.

4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В связи с неослабевающим интересом наших авторов к политическому дискурсу, которому уже был посвящен целый раздел предыдущего выпуска, в этом номере мы продолжаем эту тему.

Азизулла Мирзай, Зохран Эслами и Фатима Сафари в статье *A Discourse of Persuasion: Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key* (*Дискурс убеждения: риторические и дискурсивные практики в президентской избирательной кампании рухани и победа его принципа благоразумия и надежды*) приоткрывают окно в политическую жизнь Ирана. Для исследования дискурса Рухани они применяют критический дискурс-анализ и опираются на трехмерную парадигму Н. Фэйрклафа (Fairclough 2010), включающую фонологический, лексический и синтаксический аспекты. Исследуя используемые Рухани тропы, авторы обнаружили, что, как и многие западные политики, он часто прибегает к параллелизмам, аллитерации и метафорам. Все перечисленные средства имеют интенцию убеждения. Материалом исследования послужили записи и транскрипты многочасовых теле- и радиодebатов, предшествующих президентским выборам 2013 г. Среди наиболее показательных примеров риторики убеждения оказались культурные аллюзии к хорошо известной иранской поэме Ахавана Салеса, что вселяет аудитории мысль о том, что после долгой зимы, под которой имеется в виду период работы правительства Ахмадинежада, придет весна. Таким образом, данное исследование пересекает культурные границы и показывает, что сегодня в Иране используются те же приемы дискурсивного убеждения, что и в Вашингтоне или Вестминстере.

Политическую тему продолжает **Амр М. Эль-Завави** в статье *Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies* (*На пути к новой лингвистической модели определения политической лжи*). Автор рассматривает деликатный вопрос

о том, что далеко не всегда речь политиков бывает правдивой. Исследование выполнено на основе интересного веб-сайта 'PolitiFact', который собирает выступления политиков и дифференцирует их в зависимости от степени правдивости. В центре внимания — дискурс кандидатов на пост президента США — Дональда Трампа и Хиллари Клинтон, которые были неоднократно обвинены во лжи. Используя сайт 'PolitiFact', автор смог решить важную методологическую проблему и найти основание для классификации рассматриваемых политических заявлений как «ложь», хотя ни один из выступающих не согласился бы с тем, что у него было «намерение ввести слушающего в заблуждение». Для анализа изменений голоса при произнесении лжи использовалась программа Praat. Автор предлагает новую модель для классификации лжи в политическом дискурсе, которая является модифицированной версией модели, представленной в работе Burgoon и др. (2012).

В.И. Озюменко в статье «*Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии*» продемонстрировал изменение функций медийного дискурса. Пытаясь разграничить понятия *убеждение*, *манипуляция* и *агрессия*, автор делает вывод о том, что в условиях информационной войны формируется и усиливается функция информационной агрессии, которая может рассматриваться в рамках манипулятивного дискурса как манипулятивное убеждение. Информационная агрессия, осуществляемая как вербальными, так и невербальными средствами, рассматривается автором двупланово — по отношению к референту (*аффективная агрессия*) и по отношению к адресату (*когнитивная агрессия*). Результаты анализа, проведенного с применением критического дискурс-анализа (Fairclough 2001, Van Dijk 2006, 2009; Weiss, Wodak 2007, Wodak 2007 и др.) и мультимодального подхода (Иванова 2010, Ponton 2016 и др.), позволили выявить различные приемы и средства манипуляции и показать, что основной целью информационной агрессии является преднамеренное введение аудитории в заблуждение и внушение нужной идеи с целью ее идеологического подчинения.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискурс-анализ представляет собой относительно новую научную парадигму исследования языка и всех его компонентов на более высоком уровне — уровне дискурса. Как показали представленные в нашем двухтомном тематическом выпуске исследования, дать однозначное определение дискурс-анализу в нескольких словах невозможно. Ответ на вопрос, *Что такое дискурс-анализ?*, целиком и полностью зависит от того, какая его часть рассматривается и какие конкретно инструменты для его анализа используются. Собранные в этих двух томах статьи наглядно демонстрируют, что дискурс-анализ представляет собой богатую и разнообразную область исследования, в результате изучения которой выявляются интересные данные, касающиеся широкого спектра научных дисциплин. В пределах своих границ он включает в себя разнородные подходы, аналитические инструменты и методологии. Он объединял и объединяет различные научные школы. Некоторые из них уже исчезли, но заложили основу для дальнейших исследований. Будучи междисциплинарным научным направлением, дискурс-анализ

не ограничивается рамками лингвистики, а охватывает многие другие гуманитарные дисциплины и развивается на их основе с учетом собственных целей.

В теоретических статьях нашего двухтомного выпуска представлено текущее состояние дел, дано объяснение того, каким образом дискурсивные исследования соотносятся с другими научными традициями, как российскими, так и западными, намечены пути для будущих исследований в области дискурсивной прагматики, семантики, стилистики, жанроведения и других областей. Для теории дискурса важной задачей является разработка понятий, способных учитывать различные компоненты коммуникативной ситуации, которые способствуют формированию значения в самом широком смысле этого общего термина, а также созданию всеобъемлющей классификации типов дискурса.

Дискурс-анализ находится в постоянном развитии, и область дискурсивных исследований, которые могут носить объяснительный, описательный или критический характер, продолжает расширяться. Она охватывает самые разные тексты — политические, экологические, медийные, юридические и т.д., анализ которых производится с применением различных подходов и методологий, что было показано нашими авторами.

Начиная наш совместный проект, мы не надеялись найти исчерпывающие ответы на все поставленные вопросы. Тем не менее мы ожидаем, что читатели нашего двухтомного выпуска по дискурс-анализу найдут в нем много полезного для своих будущих исследований, и искренне надеемся, что процесс диалога и обмена между российскими и зарубежными лингвистами, являющийся целью нашего журнала, будет продолжен и принесет свои плоды. Мы сердечно благодарим всех наших авторов, которые внесли свой вклад в осуществление нашего проекта и поделились своими знаниями и опытом исследования дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 5—32. [Arutyunova, N.D. (1990). *Metafora i diskurs. Teoriya metafory*. Moscow: Progress. 5—32. (In Russ).]
- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: Помовский и партнеры, 1993. [Baranov A.N., Plungian V.A., Rakhilina E.V. (1993). *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka*. Moscow: Pomovskii i Partnery. (In Russ).]
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. [Budaev E.V., Chudinov A.P. (2006). *Metafora v politicheskoy interdiskurse*. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. (In Russ).]
- Иванова С.В., Сподарец О.О. Реализация стратегия субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 71—75. [Ivanova S.V., Spodarets O.O. (2010). Implementation of Subjectivization Strategy in the Structure of Mass Media Political Discourse, *Political Linguistics Journal*, 3, 71—75. (In Russ).]
- Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 7—18. [Kecskes, I. (2014). Word, context and communicative meaning. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 7—18. (In Russ).]

- Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*. 2009. http://iling-ran.ru/kibrik/Discourse_classification@VJa_2009.pdf [Kibrik A.A. (2009). Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov. *Voprosy yazykoznaniiya* (In Russ).]
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. Институт языкознания РАН. М.: Знак, 2012. [Kubryakova E.S. *V poiskakh sushchnosti yazyka. Kognitivnye issledovaniya*. Moscow: Znak, 2012. (In Russ).]
- Кубрякова Е.С. *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Институт языкознания РАН. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Язык. Семиотика. Культура). [Kubryakova E.S. *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2004. (In Russ).]
- Пономаренко Е.В. *Функциональная системность дискурса (на материале английского языка)*. М.: 2004. [Ponomarenko E.V. (2004). *Funktsional'naya sistemnost' diskursa (na materiale angliiskogo yazyka)*. Moscow. (In Russ).]
- Синельникова Л. *Дискурсивная семантика русских местоимений: Коммуникативные сценарии в прозе и в поэзии*. Palmarium Academic Publishing. 2013. [Sinelnikova L. (2013). *Diskursivnaya semantika russkikh mestoimenii: Kommunikativnye stsenerii v proze i v poezii*. Palmarium Academic Publishing. (In Russ).]
- Чернявская В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия*. М.: Флинта, 2012. [Chernyavskaya V.E. (2012). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: Problemy rechevogo vozdeistviya*. Moscow: Flinta. (In Russ).]
- Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000)*. Екатеринбург, 2001. [Chudinov A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991—2000)*. Ekaterinburg. (In Russ).]
- Alba-Juez, Laura and J.Lachlan Mackenzie. (2016). *Pragmatics: Cognition, Context and Culture*. Madrid: McGraw-Hill.
- Bednarek, M. 2008 *Emotion Talk across Corpora*. London/New York: Palgrave Macmillan.
- Berman, R.A. (2004). Introduction: developing discourse stance in different text types and languages. *Journal of Pragmatics*. No. 37, 105—124.
- Burgoon, J.K., & Qin, T. (2006). The Dynamic Nature of Deceptive Verbal Communication. *Journal of Language and Social Psychology*, 25(1), 76—96.
- Burgoon, J.K., Hamel, L., & Qin, T. (2012). Predicting Veracity from Linguistic Indicators. *Intelligence and Security Informatics Conference (EISIC)*, European. 323—328.
- Fairclough, N. (2001). Critical discourse analysis as a method in social scientific research. In: *Methods of Critical discourse analysis*. London: Thousand oaks and Delhi: Sage. 121—139.
- Fairclough, N. (2010). *Critical Discourse Analysis: The critical discourse analysis*. London: Longman.
- Gibbons, J. (2003). *Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System*.
- Langacker, R.W. (2000). *Grammar and conceptualization*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Lakoff, G. and Johnsen, M. (2003). *Metaphors we live by*. London: The university of Chicago press.
- Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford Studies in Sociolinguistics. Oxford.
- Leontiev, A.A. (2006a). Psycholinguistic units and speech generation. *Journal of Russian and East European Psychology*. 44 (4). 7—88.
- Leontiev, A.A. (2006b). Units and levels of activity. *Journal of Russian and East European Psychology*. 44 (3), 30—46.

- Martin, J.R. & D. Rose (2003) *Working with Discourse: meaning beyond the clause*. London: Continuum. [2nd revised edition 2007].
- Martin, J.R. and P.R.R. White. (2005). *Language of Evaluation: Appraisal in English*. Palgrave Macmillan.
- Martin, J.R. & D. Rose (2008). *Genre Relations: mapping culture*. London: Equinox.
- Martin, J.R. (2013). *Systemic Functional Grammar: a next step into the theory — axial relations*. (Chinese translation and extensions by Wang Pin & Zhu Yongsheng). Beijing: Higher Education Press.
- Musolff, A. (2016). *Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios*. Bloomsbury Publishing.
- Ponton, D. (2016). Movement and meaning: towards an integrated approach to political discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4).
- Van Dijk, T. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse & Society*. 17 (2), 359—383.
- Van Dijk, T. (2009). *Society and discourse. How social contexts influence text and talk*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weiss, G., Wodak, R. (eds.) (2007). *Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity*. London, Basingstoke, New York: Palgrave, Macmillan.
- Wierzbicka, A. (1991/2003). *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wodak, R. (2007). Critical discourse analysis. *Qualitative research practice*. London: Sage. 185—201.

© Douglas M. Ponton, Tatiana V. Larina, 2017

© Ларина Т.В., Понтон Д., 2017

For citation:

Ponton D., Larina T. (2017). Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (II). *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 7—21.

Для цитирования:

Понтон Д., Ларина Т.В. Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (II) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 7—21.

Bio Note:

Douglas M. Ponton, Dr, Associate Professor at University of Catania (Italy), member of editorial board of *Russian Journal of Linguistics*. *Research Interests*: Pragmatics, Semantics, Discourse Analysis. *Contact information*: e-mail: dmponton@hotmail.co.uk

Tatiana V. Larina, Dr, Professor at RUDN University, Editor-in-Chief of *Russian Journal of Linguistics*. *Research Interests*: Pragmatics, Discourse Analysis, Theory of Politeness/Impoliteness, Intercultural Communication. *Contact information*: e-mail: tatiana.larina@rudn.university

Сведения об авторах:

Дуглас М. Понтон, доктор, доцент, Университет Катании (Италия), член редколлегии журнала Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. *Сфера научных интересов*: прагматика, семантика, анализ дискурса. *Контактная информация*: e-mail: dmponton@hotmail.co.uk

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. *Сфера научных интересов*: прагматика, анализ дискурса, теория вежливости/не вежливости, межкультурная коммуникация. *Контактная информация*: e-mail: tatiana.larina@rudn.university